

оригинальных книг о Шевченко, или И. Журавская, автор исследований о связях Ивана Франко и Леси Украинки с зарубежными литературами, не значатся в персоналиях словаря. А большой отряд украинских переводчиков, завоевавших себе известность и в нашем Союзе, и за рубежом, выпустивших фундаментальные издания классических и современных переводов (Г. Кочур, М. Лукаш, Е. Дробязко, Б. Тэн, И. Стешенко, В. Житник, В. Коптилов и мн. др.), вовсе отсутствует в словаре.

Отдельные замечания о пропусках и недочетах (отнюдь не исчерпанные здесь) нужны именно потому, что выход пятитомного словаря украинских писателей заслуживает внима-

ния широкой литературной общественности, как большое, ценное, очень добросовестное и продуманное издание. Уже сейчас это издание, выпущенное совсем небольшим тиражом (7—10 тысяч, да еще каждый том разным тиражом), стало редкостью.

Хочется пожелать, чтобы при переиздании (а оно безусловно требуется) был составлен именной указатель, без которого пользоваться таким обширным библиографическим материалом весьма затруднительно.

Выход пятитомного био-библиографического словаря «Украинские писатели» — событие в литературной жизни не только Украины, но и всей страны.

А. ДЕЙЧ

ПОЭЗИЯ ПЕРЕВОДА*

Теория и практика переводческого искусства становится предметом все более пристального и взыскательного внимания всесоюзной общественности. Уровень требований к искусству перевода в наших республиках — основных «поставщиков» художественного материала, подлежащего переложению на русский язык, — заметно повысился.

Методологические принципы советской школы перевода достаточно отработаны, хотя в ней и существуют различные толкования практических вопросов. Позиция Л. Мкртчяна совершенно бескомпромиссна — он исходит прежде всего из высокого художественного критерия образной адекватности переложения оригиналу.

* Левон Мкртчян, О стихах и переводах, «Айастан», Ереван, 1965, 229 стр.

Изучению богатейшего опыта мастеров переводческого искусства — В. Брюсова, А. Блока, С. Шервинского, В. Державина, А. Кочеткова, К. Липскерова, В. Звягинцевой, — заставивших звучать по-русски многие прекрасные страницы из многовековой книги армянской поэзии, и посвящена работа Л. Мкртчяна.

Анализируя благородную и трудную работу переводчиков, автор вводит читателя в интереснейшую лабораторию индивидуального художественного творчества, решая при этом теоретические проблемы переводческого дела.

Так, в главе о Брюсове, открывающей книгу, показана не только ювелирная работа над словом и строфой (автор анализирует бесчисленные варианты), но, исходя из специ-

фики переводческой практики русского поэта, поставлена проблема буквализма. Буквализм в переводческом деле это, конечно, явное зло, и он умерщвляет душу оригинала. Однако точность Брюсова, пишет автор, — «это точность творца и мастера». Таким образом, метод, который в менее искусных руках привел бы к созданию гербария, в данном случае рождает подлинные поэтические цветы, — тому доказательство брюсовские переводы из народной и средневековой армянской лирики, из Саят-Новы, ставший хрестоматийно-классическим перевод поэмы А. Исаакяна «Абул Ала Маари».

В. Брюсов, стремясь к совершенству своих переводов, изучал историю, культуру, быт и язык армян. Он автор очерка об исторических судьбах армянского народа и вдохновенного эссе об армянской поэзии, с которым пока ничто не может сравниться из написанного о ней. Переводческая практика В. Брюсова предстает в книге Л. Мкртчяна как определенная творческая школа, традиции которой были затем развиты и умножены. «Внимание к переводам Валерия Брюсова, — заключает автор, — к его статьям об армянской поэзии велико в Армении не только потому, что воскрешает в памяти армян образ и дела их замечательного русского друга, но и потому, что опыт Брюсова нужен и сегодня как армянским литераторам, так и их нынешним русским друзьям-поэтам».

Но вот другой тип переводческого чтения. Александр Блок не изучал армянского языка и не был в Армении. Однако его переводы из лирики А. Исаакяна более чем точны, в них воплощена и уловлена неизъяснимая специфика национального художественного мышления. Автор в связи с этим справедливо подчеркивает род-

ственность художественных миров двух поэтов, роль темы родины в творчестве каждого из них. Духовная близость и породила поразительное в своей истинности проникновение в сокровенную суть оригинала.

Идейно-художественная переключка Блока и Исаакяна произвольна, но непреложна, они отражаются друг в друге, как духовные двойники. В записной книжке Исаакяна можно прочесть: «Как глубоко мне понятен язык этих гор, бурь, рек, родников и нив, они говорят по-армянски». И, чтобы закрепить свою мысль поэтически, Исаакян далее записывает блоковскую строфу: «Россия, нищая Россия...» «Гений прежде всего — народен», — утверждал уже в 1908 году Блок. Именно это нашел Блок в поэзии Исаакяна, именно его народность с вдохновением и воссоздал он в своих неповторимых переводах.

Брюсов вначале передал Блоку для перевода ряд стихотворений В. Терьяна, считая, что их интимно-лирическая направленность окажется созвучной бывшему поэту символизма. Блок пытался их перевести, но безуспешно, внутреннее созвучие не возникало. И наоборот, он с упорством бился над строками народного певца Армении — «крестьянина и пандухта», — стремясь передать их простой и глубокий смысл. «...Поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет», — записывает он.

Анализ переводов Блока подводит исследователя к мысли о неправомерности чрезмерного расширения зоны символизма в поэзии XX века. Стихия народности и родины, которая пронизывает творчество Исаакяна и Блока, несовместима с декадентским эгоцентризмом. И именно эта стихия позволила двум поэтам найти друг

друга. Помимо этого, можно было бы упомянуть и такую индивидуальную особенность Блока, как его чисто «музыкальный» дар постижения мира, особенность которого позволила ему раскрыть все тайны поэзии Исаакяна.

Речь идет, таким образом, о разных манерах постижения и «вхождения» в образную структуру оригинала. Манера тоже накладывает отпечаток на перевод. Не случайно Брюсов воссоздал армянскую поэзию в ее чеканности и яркой живописности красок и созвучий, в то время как Блок выразил ее духовность. Но ведь и то и другое, хотя и является результатом индивидуального видения, в то же время реально заключено в национальной поэзии.

Школа Брюсова и Блока — точность и эмоциональное проникновение — оказала большое влияние на советских переводчиков, усвоивших их лучшие традиции. Это показывает глава, посвященная анализу работы С. Шервинского, А. Кочеткова, В. Державина, К. Липскерова над армянским эпосом «Давид Сасунский». Глава эта, в частности, раскрывает и человеческую сторону переводческого дела. Любовь к переводимому произведению и художнику, к литературе и народу, их породившему, становится фактором творчества, влияющим на искусство перевода.

Так, например, в своей статье переводчик К. Липскеров делает ряд ценных и тонких замечаний по поводу психологической разработанности характеров, что как будто не свойственно жанру эпоса. Он приводит разговор Мгера-богатыря и красавицы Исмил-Хатун и заключает свои наблюдения: «От этой реплики не отказалась бы и шекспировская Клеопатра. В этом внезапном перерыве разговора с Мгером и восклицании, обращенном к служанкам, — вся на-

стойчивость, весь характер, весь облик Исмил-Хатун, внезапно встающей словно живая». А вот отрывок из письма С. Шервинского к И. А. Орбели, главному редактору издания: «Как мои товарищи-поэты, так и я с восхищением относились к заключительному эпизоду жизни Давида, — а именно к тому, что он гибнет от стрелы, пущенной маленькой девочкой, его незаконной дочерью. Нельзя изобрести более трогательного, неожиданного, да и глубокого конца для героя, которого не должна и не может сразить какая-нибудь сила, это сразу снизило бы его образ. Найдется ли еще в эпосе место такой высокой художественности, такого богатого творческого изобретения? Однако ереванская редакция... покушается на этот замечательный эпизод... Я же, как поэт и переводчик, просто взволнован возможностью утраты этого любимого моего эпизода. Вся надежда на Вас как на главного редактора». Редакция находила также, что девочка эта «зеленоглазая», а не «голубоглазая», как перевели русские поэты. «А мне это очень не нравится, — пишет С. Шервинский, — возникают какие-то уайльдовские ассоциации». И. А. Орбели ответил телеграммой: «В «Давиде Сасунском» причиной смерти Давида остается его голубоглазая дочка». Л. Мкртчян заключает: «Так, благодаря вмешательству С. Шервинского, удалось сохранить и в сводном тексте подлинника и в русском переводе одно из замечательнейших мест эпоса». Поучительный пример для молодых переводчиков! Правда, не все удалось отстоять. Так и не вошла в основной текст «привлекательнейшая картина», как пишет С. Шервинский, когда Давид, прислонившись к колесу арбы, разделяет трапезу пастухов — «загибает два лаваша враз».

«...Увлеченность материалом, несомненно, сказалась и на качестве перевода», — вот вывод Л. Мкртчяна.

И нам понятно, почему С. Шервинский от имени своих коллег столь упорно защищал некоторые эпизоды и фрагменты эпоса, — ведь их толкование было подсказано голосом влюбленной — не побоимся этого слова в применении к благородному труду переводчиков — души, которая всегда оказывалась права.

Опыт бригады переводчиков, переложившей на русский язык такое глубоко национальное и самобытное художественное явление, каким является героический эпос, весьма поучителен. И этот опыт тщательно проанализирован в книге.

Главная задача заключалась в том, чтобы выработать языковые принципы перевода. Проблема народности языка, использования просторечия могла столкнуть переводчиков с опасностью излишней русификации. «Где, — писал С. Шервинский, — проходит граница между народным выражением и таким оборотом или словом, которое уже отдает стилизацией и вносит специфический «русский дух»?»

Л. Мкртчян справедливо подчеркивает, что «не следует чураться в переводе живого, выразительного русского слова», ибо излишняя боязнь его приводит к стилевой «дистиллированности», к утрате национального своеобразия подлинника.

Переводчики старались точно и во всем следовать оригиналу. Их установка, которую всячески поддерживает исследователь, оказалась плодотворной. Даже фразеологические, идиоматические обороты в переводе оказались национально-наполненными. В связи с этим заслуживает поддержки вывод автора, где он выступает против чрезмерной боязни

«русского колорита» и фольклорного русского слова, которое якобы может затушевывать армянский национальный колорит. Как раз наоборот!

Печальный пример такого рода «переложений», в которых владычествует или индивидуальная манера переводчика, не соответствующая оригиналу, или «общерусский» языковой штамп, дают переводы из Ов. Туманяна, поэта глубоко народного и национального (причем такими мастерами, как Вяч. Иванов, К. Бальмонт, да и многими другими). Автор подробно анализирует причины этих неудач. Вывод его неутешителен — на русском языке Ов. Туманяна по существу нет! Если не считать великодушных, но единичных переводов С. Я. Маршака.

В связи с этим Л. Мкртчян в остро полемической главе «Что переводить, как переводить», подводятся итоги предшествующего анализа, поднимает важный вопрос: почему переводят и издают в Москве тех, которых с грехом пополам печатают в самих республиках? Зачем переводить заведомо посредственные произведения?! В то же время многое из того, что действительно требует перевода, остается в тени. До сих пор нет ни одного русского перевода творений великого армянского поэта раннего средневековья Григора Нарекаци — поэта потрясающей трагической мощи. До сих пор не переведены по-настоящему Ов. Туманян, Е. Чаренц, О. Шираз, П. Севак и многие другие!

Критик едко высмеивает тех, которые любят повторять, что «перевод убивает подлинник». А что убивать? Ведь зачастую сам «подлинник был мертв с рождения». Истинно поэтическое всегда воспроизводимо — вот мысль критика. Оно вдохновляет переводчика.

Л. Мкртчян исходит прежде все-

го из практики. Его выводы учитывают все богатство накопленного опыта. Бережное отношение к оригиналу имело то положительное значение, что, «освобождаясь от сковывающего влияния подлинника, советская переводческая школа не шла по пути вольных переводов-переложений». С другой стороны, художественная точность должна учитывать особенности национальной литературы. Игнорировать их — значит иссушить, обескровить перевод. Диалектика переводческого искусства раскрыта в книге Л. Мкртчяна и на практике и в теории. В этом ее достоинство.

Л. Мкртчян кончает свою книгу литературным портретом поэтессы В. Звягинцевой — истинного переводчика, настоящего друга армянской поэзии. Нить преемственности не обрывается. Вслед за Брюсовым и Блоком, вслед за Н. Тихоновым, Н. Заболоцким, Б. Пастернаком, С. Шервинским, В. Звягинцевой идет молодое поколение. Благоднейшая традиция продолжается и крепнет. Молодые писатели и переводчики должны знать богатейший опыт прошлого. В этом смысл нужной, интересной и взволнованной книги Л. Мкртчяна.

Л. АРУТЮНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПЕТРАШЕВЦАХ*

Книга Т. Усакиной, талантливой литературовед, ушедшего из жизни в самом начале творческого пути, является итогом серьезного изучения общественно-литературных исканий 40-х годов. Впервые после работ В. Семевского и П. Сакулина движение петрашевцев рассматривается как литературно-общественное направление, оказавшее глубокое и разностороннее влияние на литературный процесс середины века.

Книга состоит из пяти самостоятельных глав. Последовательно, в органическом синтезе анализирует Т. Усакина социальные, философские и литературно-теоретические воззрения петрашевцев, Белинского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского. Отличное знание материала,

умение видеть истоки явления и его историческую перспективу обусловили цельность и оригинальность авторской концепции. В работе пересматривается ряд традиционных точек зрения и намечаются новые аспекты изучения многих историко-литературных проблем (петрашевцы и натуральная школа, петрашевцы и Л. Толстой, Белинский и Герцен в 40-е годы, Герцен и Салтыков-Щедрин, Валериан Майков и Чернышевский и т. д.).

В числе писателей, нравственно-философские искания которых были близки к исканиям петрашевцев, Т. Усакина называет Л. Толстого. Вопрос этот, в свое время поставленный Б. Эйхенбаумом¹, чрезвычайно важен для уяснения проблематики

* Т. Усакина, Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века, Изд. Саратовского университета, 1965, 160 стр.

¹ Б. М. Эйхенбаум, 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого, «Русская литература», 1959, № 4.